

Игорь Середенко

ПОД СЕНЬЮ
ЗВЕЗД

Игорь Анатольевич Середенко

Под сенью звезд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18576690

Аннотация

Эта история начинается в Канаде, в небольшом городке, где в частном пансионате живет мальчик-аутист. Две женщины работают с ним, стараясь вернуть его в общество людей. Но вот, что-то в поведении мальчика изменилось, и он втайне от всех убегает. Спасатели ищут мальчика несколько дней, и неожиданно находят его сидящим на камне у залива. После возвращения в пансионат психолог, работающий с мальчиком-аутистом, обнаруживает в его сумке странные рисунки. Разгадка этих рисунков кроется в древнем проклятии, которое связано с давними событиями на Фарерских островах, расположенных на той же широте, что и залив Святого Лаврентия.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	49
Глава 8	53
Глава 9	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Игорь Середенко

Под сенью звезд

Его мир скрыт внутри него, он надежно заперт в нем, подобно белой жемчужине в уродливой раковине. Он среди людей, но его мир далек от общества. Нам не понять его поведение, поступки и желания, он слеп к нам. Но лишь ему дано увидеть то, что мы, в людской суете и обыденности, не замечаем. Лишь ему откроется кладовая природы, одаривая его яркими, причудливыми узорами загадок бытия. Она кокетливо улыбнется ему, подмигнет, приманит, зачарует, и вновь скроется в глубинах неведомого океана подсознания, надежно хранящего тайны от любопытного человека.

Глава 1

Он не любил яркий дневной свет, поэтому сестра Бетти задернула шторы. При свете ламп ему было спокойнее, если слово «спокойно» подходило к нему. Алан лежал на ковре, под голову подложив руку. Казалось, что он был безучастен ко всему, пустым, ничего не означающим, без содержания чувств. Он смотрел на стену невидящим взглядом. Комната, где лежал десятилетний мальчик, была детской: стены украшали рисунки зверей, природы, на полу всюду лежали игрушки. Две женщины: одна лет сорока, другая помоложе, улыбаясь, смотрели с надеждой на Алана. Женщины что-то говорили приятным голосом, обращаясь к мальчику. Пытались его развеселить, удивить, вывести из забвения. О, нет! Это опять происходит. Алан поднял голову и начал биться лбом о руку, да так, что от ударов на лбу засияло красное пятно. Нанеся шесть ударов, он вновь лег, опустив голову на руку. Женщины не пытались удержать мальчика от самоистязания. Это бы не помогло остановить его. Они активно участвовали в отвлечении мальчика от самоистязаний. Голди разработала программу действий, которая должна была помочь Алану. Она и ее помощница Бетти ласково произносили имя мальчика. Бетти бегала вокруг Алана, разбрасывая конфетти. Маленькие цветные бумажки ниспадали, словно цветной дождик. Они падали на Алана, перед ним.

Мальчик приподнял голову, в свете лампы в его глазах появился блеск, но тут же погас. Он еще несколько раз ударил рукой себя по лбу, увеличивая тем самым покраснения. Голди опустилась на колени, рядом с Аланом. В ее руках были разорванные резиновые шарики разных цветов. Она знала, что это были любимые игрушки Алана. Голди несколько раз подбросила сдутые шарики с восторженными взглядами, чтобы отвлечь мальчика. Его глаза, казалось, следили за полетом игрушек, он даже подал руку вперед, будто хотел взять их, но... вновь ударил себя в лоб. Бетти не переставала бегать вокруг мальчика. Теперь в ее руках были пластмассовые шарики. Она разбрасывала их по ковру, призывая Алана поиграть с ними. Алан бросил пару любопытных взглядов в ее сторону, но вскоре быстро поднялся и подошел к стене. Это было опасно, ведь он мог биться головой, нанося себе повреждения. Голди тут же подбежала к мальчику, завывая, как сова. Она размахивала руками, словно она птица. Бетти подхватила новую идею Голди и тоже стала летать, как птица, произнося звуки природы. Но Алан и не думал смотреть на них, будто их и вовсе не было в комнате. Он прислонился к двери, приложив голову левой щекой к ручке. Женщины продолжали изображать летающих птиц. Неожиданно Бетти превратилась в собаку, стала на четвереньки и начала лаять.

К удивлению, Голди, мальчик приподнял голову и даже бросил взгляд в сторону Бетти.

– Ему понравилась собака, – с улыбкой на лице сказала

Голди. – Бетти, продолжай, молодец!

Бетти забавно ходила на четвереньках и важно лаяла, рычала. Мальчик заинтересовался. Он открыл рот, подсел к собаке и протянул к ней руку. Рука робко коснулась головы Бетти.

– Боже, он гладит! – воскликнула Голди. – Это победа!

Бетти сделала движение, схожее с вилянием хвоста, как это делают собаки, получилось комично. Голди засмеялась. Бетти села, как щенок, подняла руки к груди, как делает животное, пытаясь, стать на задние лапы, и высунула язык.

– Это чудо, Алан! Погладь Бетти, – сказала Голди.

Бетти пару раз дружелюбно залаяла, но мальчик уже потерял интерес и вновь улегся на бок, рядом с Бетти.

Женщины не сдавались. Они продолжили играть, веселиться вокруг мальчика, пытаясь отвлечь его. Взгляд мальчика безжизненно потух. Он лежал на боку, подставив руку под голову. Вокруг него все заблестело, заиграло сотнями блесков, закружилось в веселом танце: сверху падали шарики, новогодний дождик играл всеми цветами, опускаясь перед его ничего невидящим взглядом, сыпались монеты, ударяясь со звоном о пол и раскатываясь по сторонам. Вся эта сказочная, разноцветная, звонкая феерия, казалось, проходила мимо мальчика. Он не замечал этого и был безучастен к стараниям расшевелить его, пробудить интерес, зажечь огонь внутри него, затронуть его чувства.

Воспитатель отвела Алана в его комнату, где он свернулся

калачиком на кровати.

Голди тяжело опустилась на стул, успокаивая дыхание, ее грудь рывками поднималась, а сердце тяжело билось, стараясь выскользнуть наружу. Бетти тоже запыхалась, но она была помоложе и с нагрузкой справилась быстрее. Она сидела на ковре и собирала игрушки по коробкам.

– Опять ничего, – сказала Бетти, – но я не сдамся, я упорная.

– Почему это ничего, – возразила Голди, переведя дыхание. – Ты ошибаешься. Сегодня у нас настоящий праздник. Впервые, за месяц усердной работы мальчик проявил интерес.

– Вы имеете в виду то, что он погладил меня? – спросила Бетти.

– Ты играла собаку, – она улыбнулась.

– Хорошо играла?

– Отлично. И он обратил на это внимание, – продолжила Голди, – понимаешь, Бетти, он проявил к тебе интерес...

– Вы правы. Я увлеклась, играя животное, и не заметила этого, – согласилась Бетти.

Голди задумалась, собирая со стола конфетти.

– И еще одно...

– Что же?

– Алан после проявления интереса...

– Лег на пол и лежал.

– Нет, он не просто лежал, а...

– Не истязал себя, – догадалась Бетти.

– Совершенно верно.

– Может он утомился? – предположила Бетти.

– Нет, нет, не в этом дело. Конечно, мы тут такой шум и гам устроили, пытаясь его отвлечь, но... но это не усталость.

Мне показалось, что он не хотел продолжать бить себя. И в этом наша заслуга. Месяц упорной работы с ним не прошел даром, Бетти. Мы это сделали. Конечно, это всего лишь первый шаг, но он сделан. Вот увидите, дальше Алан будет меньше истязать себя и начнет увлекаться и даже обучаться.

Вы отлично справились.

– Спасибо.

– Его надо научить выражать желания. Пусть символами, жестами, невербально. Это должно исходить от Алана. И сегодня это произошло. Когда-нибудь он перестанет биться, это пройдет.

Бетти, собрав одну коробку с шариками, положила ее у стены, взяла другую коробку и начала собирать конфетти и дождик.

– А как же потом, когда он вырастит? Я знаю, что их диагноз шизофрения так и остается...

– Вы ошибаетесь, – ответила Голди. – Аутизм может быть не только у шизофреников. Он встречается у олигофренов, невротиков, психопатов.

– Но шансов у него нет, ведь диагноз остается...

– Мы этого не знаем, нельзя говорить наперед, ставя клей-

мо на мальчике. В моей практике, а я уже более пятнадцати лет работаю здесь в пансионате, встречались аутисты. Большинство мне удавалось вернуть в общество.

– У них нет мира, они не видят нас.

– Да, – согласилась Голди, – они не замечают общество, но мир у них есть. Они погружены в свой собственный мир. Он внутри них. Причем настолько погружены в него, что не видят и не слышат того, что происходит вокруг них. Они стоят, а мир на бешеной скорости пролетает мимо, не задев их сознание, не тронув их чувства.

– Может, у них нет сердца... – Бетти осеклась, – я имею в виду собственных переживаний, как у здоровых людей.

– Ну что ты, – возразила Голди. – Они живые, а у живого всегда есть чувства. Только они не показывают их, прячут, даже от себя. Вы вспомните, каким Алан был, когда появился у нас впервые. И часа не было, чтобы он не плакал, психовал или бил себя. А что теперь?

– Вы правы, теперь он делает это значительно реже, – согласилась Бетти.

– Для общества он еще не готов. Для начала он должен прекратить истязать себя.

– А что потом? – с интересом спросила Бетти, собирая монетки в шкатулку.

– Потом его надо обучить проявлять себя, желать, и не бояться этого. Выражать свои желания. Ну, и уметь выполнять самые необходимые потребности: сидеть за столом, кушать

самостоятельно, одеваться, застилать постель и многое другое, без чего не мыслима жизнь индивида.

– Вы думаете, он сможет стать индивидуумом?

– Индивидуальность, значит быть особым, не как все. Аутисты по своей природе обладают этим.

– Да, но они ничего не умеют и погружены в мир...

– Их можно вывести из него, показать другой мир, обучить. Среди аутистов встречаются известные люди, например, Эйнштейн в легкой степени страдал этим недугом. Аутисты часто встречаются в творческих профессиях. Из них получаются хорошие ученые, художники, музыканты. Да, они погружены в свой, видимый только ими, мир, ну и что с того. Но разве ученые и художники не погружаются в мир творчества, фантазий, не создают новое. Для гениального изобретения необходимо отдать всего себя, – она задумалась, а потом, отдернув штору и впуская солнечный свет в комнату, продолжила. – В древние времена были философы, мыслители, предсказатели судьбы. Так вот, они порой были настолько погружены в свои мысли, что порой не обращали внимания на окружающий мир. Племя зависело от их решений, ибо они управляли и направляли ход их развития. Таки люди могли быть жертвами собственной невнимательности, например, задумавшись, они могли подвергнуть себя риску. На них могли напасть воины из другого племени, они могли упасть в яму-ловушку, на них мог напасть хищный зверь.

– И что? – заинтересованно спросила Бетти.

– И племя решило, что таким людям нужен помощник, охранник, который бы оберегал мыслителя от опасностей внешнего мира. Они были беспомощны в этом мире.

– Интересно, и это все, правда, такие люди были?

– Это не важно, были они или нет, – ответила Голди. – Этот мальчик нуждается в нашей помощи, ему одному не выжить среди людей. И мы ему должны помочь стать на ноги, увидеть весь мир, открыть врата общества, а не отторгнуть его. Вы же сами видели, мальчик идет на контакт.

Глава 2

Свет уже не пугал его. Солнце улыбалось Алану, одаривая его теплом своих ласковых лучей. Он понял, что свет не бьет и не жалит, но смотреть на этот источник тепла он по-прежнему не хотел. Его приручили не смотреть на солнце.

Его заинтересовал свет. Бетти сидела в небольшой палатке, развернутой в игровой комнате. Внутри палатки было темно. Но что-то привлекало в эту темноту Алана. Этот бегающий луч, светящийся фонарик. Бетти светила внутри фонариком, зазывая Алана.

Мальчик с появившимся интересом заглядывал в палатку к Бетти и удивленно смотрел на бегающий белый кружок. Несмотря на радостные звуки Бетти, Алан поднялся и отошел от палатки, он оказался в солнечных лучах, косо падающих из окна.

Голди сидела за столом и бросала монетки. Алана привлекли звуки, и он робко подошел к Голди.

– Свет, свет, – радостно и четко произнесла Голди.

Мальчик сел на стул, рядом со столом, и протянул к Голди руку.

– Свет, Алан, это свет.

Она продолжала бросать и собирать монетки на столе, перед мальчиком. Алан уже не бил себя по лбу, не падал навзничь, он заинтригованно посматривал то на Голди, которая

сидела за столом, то на Бетти, выглядывающей с фонариком в руке, из палатки. У него появилось желание, он еще не знал, что это за новое приятное ощущение, но ему нравилось это. Протянув руки к Голди, он хотел дотронуться до фонарика, висящего у нее на шее.

– Свет, это свет, – четко сказала Голди.

– Шет, – неясно, шепелявя, произнес Алан.

– Bravo, молодец, Алан, – с нежностью, граничащей с радостью, сказала, улыбаясь, Голди. – Свет. Я хочу свет, – четко произнесла она.

– Шет, – повторил мальчик.

Спустя несколько дней Алан брал монету из рук Голди и произносил: «один», а, сказав, почти без ошибок слово «свет», он получал фонарик, где мог нажать на кнопку, и фонарик удивительным образом светил. Алан впервые, за все время уроков, радовался этому. Он проявлял веселье, размахивая ручками, словно играя на пианино.

Спустя полмесяца, он уже улыбался, и даже смеялся.

– Шарик, один шарик, – четко произнесла Голди. Бетти дала красный шарик Голди и повторила: «Один шарик, красный шарик».

Алан, глядя на эти действия взрослых, высунул язык, как это делают дети, когда заинтересуются чем-то. У него пробудилось любопытство. Голди и Бетти разыгрывали этот урок десятки раз, но мальчик лишь заинтересованно смотрел, иногда размахивая руками, сопровождая это действие при-

чудливыми гримасами на лице. Наконец он протянул руки к Голди, желая взять красный шарик. Но, неожиданно шарик исчез, а вместо него появился желтый шарик. Голди вертела в руках новый шарик, но не спешила давать его мальчику и не называла цвета шарика.

Голди и Бетти продолжали играть, передавая шарик друг другу, не обращая внимания на Алана. Его протянутые руки все еще требовали, а желающий взгляд обрел форму поиска. Его глаза бегали из стороны в сторону, пытаясь что-то отыскать. И, наконец, он произнес: «красый». Оба взрослых тут же прекратили играть и обратили внимание на мальчика.

– Красный, – четко произнесла Голди.

– Красый, – повторил с ошибкой Алан.

– Ты хочешь красный шарик?

– Красый, произнес он с ошибкой.

Бетти незаметно для Алана подменила шарики, и в руках у Голди заблестел красный шарик. Мальчик увидел красный шарик, который его привлек, и который так таинственно исчез, и протянул к нему руки.

Голди дала Алану шарик, повторяя слово «красный», выделяя при этом букву «н», пропущенную мальчиком. Алан, взяв шарик, повертел его в руках и, на радость своих учителей, произнес:

– Красный.

– Bravo, bravo, Алан! – с восторгом и улыбкой сказала Голди, хваля Алана за прогресс. Бетти обняла Алана.

– Молодец, Алан, – произнесла Бетти, нежно поглаживая мальчика по голове.

Глава 3

Спустя неделю упорной работы Голди и Бетти, Алан стал произносить звуки, реагировать на некоторые слова, выполнять простейшие действия по указанию Голди. Она давала ему трубочку, и он дул в нее. На другом конце трубочки зажигалась и гасла лампочка. После этого Голди четко произносила слово: «свет», мальчик повторял за ней. Она высыпала монеты на стол и говорила цифру «два», а мальчик отбирал две монетки и давал их Голди.

– Он уже многому научился, – сказала Голди, когда мальчика увели в его комнату. – Завтра я хочу его вывести на природу.

– Вы не боитесь, что он вновь замкнется и уйдет в себя? – спросила Бетти.

– Понимаешь, Бетти, его нельзя ограничивать, иначе он замкнется навсегда. Наша цель: вернуть Алана Уокера в общество. А для этого его нельзя отрывать от общества.

– Да, но ведь там шум, свет, машины, большое скопление людей...

– А мы не станем его показывать всем. Пусть это будут тихие и безлюдные прогулки.

– Вы хотите прогуляться с ним среди природы, в лесу?

– Да, среди деревьев, рек, озер, а почему бы и нет, – настаивала Голди. – Ему нельзя замыкаться.

– А что потом?

– Когда он привыкнет к прогулкам, мы ходим с ним в магазин. Выберем тот день и час, когда в магазине меньше людей.

– А что мы будем там делать?

– Как, что? – удивилась Голди, – как все нормальные люди – мы купим что-нибудь.

– О! Давайте купим игрушку для Алана, – предложила Бетти.

– Отличная идея, – согласилась Голди. – Только пусть эту игрушку мальчик выберет сам.

– А если он ничего не выберет?

– Значит, ему там ничего не понравилось. Но я уверена – он что-то выберет.

Тихие прогулки по лесу в обществе двух очаровательных дам, продолжались несколько дней. Алан перестал падать в истерику, он не боялся света, тянул руки к деревьям и подолгу стоял, обняв ствол дерева и приложив к нему щеку.

В первом походе в магазин Алан вел себя с большой сдержанностью. Бетти боялась, что мальчик, увидев большое количество разнообразных игрушек, перевернет стеллажи и полки. Алан медленно, как зритель в музее, прохаживался вдоль длинных стеллажей, доверху заполненных игрушками, и не прикасался ни к одной из них.

У кассы он внимательно и подолгу смотрел на кассира – молодую девушку, на покупателей, словно изучая неведо-

мый ему мир.

Во время четвертого похода в магазин, он вдруг остановился напротив стеллажа и взял одну из коробок с конструктором. Женщины, от удивления, молча, переглянулись. Затем радостно и одобрительно поддержали выбор мальчика. У кассы Алан неожиданно остановился и, развернувшись к Голди, тихо, но внятно произнес:

– Пяти, шесть.

Бетти с удивлением посмотрела на мальчика, потом, вопросительно на Голди.

– Я не понимаю, что ты хочешь? – спросила Голди мальчика.

– Пять, шась, – без ошибок произнес Алан.

Женщины стояли в недоумении перед Аланом. Что означают эти цифры? На коробке был лишь штрих-код.

Голди достала кошелек и хотела расплатиться, но Алан остановил ее рукой.

– Пять, шесть, – повторил Алан.

– Деньги? – догадавшись, спросила Голди.

– Деньги, – ответил мальчик, уставившись на коробку с конструктором.

Тем временем девушка, работающая у кассового аппарата, взяла коробку и провела прибором с красным лучом по штрих-коду. На экране монитора, у нее высветилось название товара и цена.

– С вас пять шестьдесят, – сказала девушка.

Бетти и Голди переглянулись.

– Но на коробке не написана цена, – сказала Голди, – откуда же ты взял, что конструктор стоит пять шестьдесят?

Мальчик молчал, он смотрел пустым, ничего не значащим взглядом.

– Пять, шесть, – повторил Алан.

– Он, наверное, запомнил цену на прилавке, – догадалась кассир. – Там у нас выставлен ценник.

Голди поджала губы в недоумении.

– А мы ничего не заметили.

– Да, да, там написана цена. На коробке мы не пишем, – пояснила девушка.

– Вы хотите сказать, что он обратил на это внимание... – сказала Голди.

– И даже запомнил, – поддержала ее Бетти.

– Ну что ж, Алан, – сказала Голди, вынимая из кошелька деньги, – вот тебе пять шестьдесят. Расплачивайся. Это твоя первая серьезная покупка.

По дороге в пансионат, Алан шел впереди, держа свою первую, самостоятельно сделанную покупку. Женщины шли следом, переговариваясь.

– Ну что ж, коллега, – сказала Голди, – теперь он счастливее, осмысленнее.

– И он с радостью принимает этот мир, свою жизнь в нем, – согласилась Бетти.

– Сегодня он даже пожелал узнать новое. Это не просто

шаг или действие, это прорыв, успех.

– Вы знаете, вчера вечером он заглянул к соседям.

– Так, и что же?

– Там два мальчика живут.

– Да, я знаю. И как он вел себя с ними?

– Мне показалось, что он пожелал им спокойной ночи.

– Отлично. Это общение со сверстниками. Чудесно. Просто замечательно.

– Может его попробовать чаще выпускать гулять с ребятами на площадке?

– Да, он готов к этому. Я поговорю с детьми, чтобы его никто не обижал, – сказала Бетти.

Голди качнула головой в знак согласия.

– Чуть не забыла. У соседних мальчиков, куда он зашел, работал телевизор, и Алана привлекла передача.

– О чем?

– О жизни животных.

– Как он это демонстрировал?

– Он смеялся и размахивал руками. Дети, конечно, ничего не поняли...

– Чудесно. Тогда давайте сходим втроем в цирк. Недавно к нам приехал цирк. Лошади, птицы, змеи... Пусть он посмотрит на них, а мы понаблюдаем, – предложила Голди.

– Отличная идея.

Глава 4

– Начало представления в двенадцать, – сказала Голди.

Бетти посмотрела на часы.

– Еще час, – сказала Бетти, ее глаза выдавали какое-то скрытое волнение, которое не ускользнуло от Голди.

– Мы поедем на моей машине, – сказала Голди.

– Хорошо, я пойду за мальчиком, – она еще раз посмотрела на часы каким-то озабоченным взглядом, словно забыла что-то сделать.

– Бетти, у вас что-то случилось? – спросила Голди. Она посмотрела на юную Бетти тем особым взглядом, который испытывают на себе ученики, когда на них смотрит учитель, пытаясь понять поступок ученика.

– Нет, нет, все в порядке.

– Бетти, – протянула Голди, давая понять, что тревожность девушки не прошла незамеченной. – Я ведь не девочка...

– Ну, хорошо, я познакомилась с парнем, и он...

– Назначил свидание, – догадалась Голди. – Ну и чудесно.

– Мы договорились встретиться в час, – пояснила Бетти.

– В час? – раздумывая, спросила Голди.

– Да, вы понимаете, он в пять уезжает...

– Вот и отлично.

Бетти посмотрела обескуражено, она не поняла, что от-

личного в том, что она не может встретиться с парнем.

– Понимаешь, Бетти, у меня полно дел, нужно заполнять массу бумаг, а тут еще Перес Пирс хотел со мной поговорить. Возможно, это касается Алана.

– Алана?

– Да, нашего подопечного. На следующей неделе приезжает его отец, – пояснила Голди.

– Я думала, он сирота.

– Так и есть, но у него есть биологический отец. В прошлый раз, когда я беседовала с ним, он казался заинтересованным в развитии сына.

– Так что, на счет цирка? Вы идете с нами или отложим?

– Нет, нет, ни в коем случае, – ответила Голди. – Он ждет, мы обещали ему, а обещание нужно сдерживать. Как я поняла, у вас встреча с молодым человеком в обед?

– Да, мы так договорились, потом он уезжает в Торонто, он спортсмен.

– Вот вы втроем и идите.

– Без вас?

– Я думаю, вы справитесь. Позвоните...

– Майку.

– Да, позвоните Майку и идите. Правда, вот машина...

– Он на машине.

– Вот и отлично.

– Следите за Аланом, потом мне расскажите, как он вел себя. Подробно.

– Хорошо, – на лице девушки засияла улыбка.

В машине Алан сидел с Бетти на заднем сидении, машину вел Майк – высокий, широкоплечий спортивного телосложения молодой человек двадцати восьми лет. Бетти, улыбаясь, кокетничала с Майком, а Алан прижался к двери, приложив левую щеку к прохладному стеклу. Мальчик смотрел на пролетающие мимо деревья, одноэтажные дома, его взгляд уловил в синеве черных перелетных птиц, летевших клином. Разговор между взрослыми проскальзывал мимо него, не задевая сознание, словно он был глух ко всему.

Выходя из машины Алана взяли за руку. Бетти вела мальчика к передвижному цирку. Он шел послушно. За огромным шатром, где проходило цирковое представление, находился огороженный участок, в котором располагались вольеры с животными. Билеты продавали в кассе – небольшой будке у циркового шатра. Здесь была очередь. У входа толпились люди в ожидании. Среди людей ходили клоуны, веселя детей забавными трюками. У одного артиста, по-видимому, акробата, на руках сидела маленькая обезьянка. Дети окружили артиста и тянули руки к животному, желая погладить его. Маленькая пони катала девочку. Дети и родители представляли собой шумящую, колыхающуюся массу. Алан, казалось, не замечал всего этого, он склонил голову и смотрел вниз, переводя блуждающий, пустой взгляд из стороны в сторону. Иногда он поднимал голову и открывал рот, куда-то смотрел. Его взгляд не был направлен, как у всех при-

сутствующих детей, – на клоунов или на животных, он был направлен в пустоту, словно представление шло где-то в другом, невидимом месте.

– Нужно купить три билета, – сказала Бетти.

– Я куплю, – предложил Майк.

– Хорошо, купи билеты, а мы тебя у входа подождем, – сказала Бетти.

Майк присоединился к группе людей, стоящих в очереди, а Бетти, держа Алана за руку, подошла к входу. Несколько мальчиков прошли мимо них, рассказывая друг другу о вольерах с животными, расположенными позади шатра. По окончании представления, для желающих, можно было пройти к вольерам, и посмотреть животных вблизи.

– Алан, хочешь пойти посмотреть на животных? – спросила Бетти.

Мальчик молчал.

Играла музыка, и дети объединились в круг, а веселые клоуны забавно танцевали внутри круга. Мальчики повторяли танец. Музыка менялась, движения танца тоже. Бетти подвела Алана к детям, а сама отошла назад, присоединившись к взрослым. Во время танца Алан стоял, не шевельнувшись, словно веселая музыка не трогала его. К концу мелодии, когда дети, повторяя движения, завершали танец, Алан вдруг побежал по кругу, вдоль детей, потом вышел в центр, сел на траву, затем он лег. Как ни пытался развеселить и затронуть его клоун, ничего не выходило. Бетти подбежала к

Алану и присела на корточки.

– Это ваш мальчик? – спросил клоун.

Бетти кивнула головой.

– Как его зовут?

– Алан, – она гладила его по руке, пытаясь пробудить его.

Только бы он не впал в истерику, не стал вновь истязать себя, думала Бетти.

Клоун присел к Алану и положил перед его головой несколько мячиков. Но Алан по-прежнему не реагировал. Его голова лежала на руке, второй рукой он теребил траву, не касаясь мячей.

Чей-то голос стал зазывать всех проходить внутрь шатра.

Скоро должно начаться представление.

Разукрашенный клоун встал с недовольной миной на лице.

– Какой-то он грустный, – сказал клоун Бетти. – Он всегда такой?

– Нет, он... – Бетти хотела сказать о том, что мальчик аутист, он не такой, как все. Но клоун опередил ее.

– Погружен в себя.

– Да, он особый мальчик.

– Понятно, можете не продолжать.

Бетти поднялась, а мальчик все еще лежал, смотря сквозь цветные мячики.

– Я сам когда-то был аутистом, – сказал клоун. – Это не беда, он еще проявит себя, вот увидите. Главное не сдавать-

ся. Вы не его мать?

– Да, верно, я работаю медсестрой в пансионате, помогаю Алану стать нормальным, таким, как все.

– Таким, как все, – задумчиво повторил клоун. – Таких, как все – много, а он... он единственный, неповторимый. Вы правильно сказали: «он особый».

К ним подошел Майк с билетами в руке.

– Все в порядке, – сказал он, – можем идти.

Заметив Алана на траве и какое-то напряжение в разговоре девушки, он сказал:

– Все в порядке?

– Да, Майк, в порядке.

– Знаете что, – продолжил клоун. – После представления не спешите уходить. Я вас проведу к вольерам животных. Он нуждается в дружеском общении. Животные – это наши друзья, они охотно идут на контакт с ними.

– Вы имеете в виду Алана? – спросила Бетти.

– Да, я буду ждать вас у входа к вольерам, – ответил клоун.

– Как вас зовут? – спросила Бетти.

– Дэвид, можете так меня называть.

Ему было лет пятьдесят, его лицо не напоминало лицо весельчака, да и на клоуна он не был похож. Вне цирка, представления, вне манежа, он выглядел грузным толстяком, не молодым, но и не старым, с отраженной печалью, запечатленной на его лице художником по имени жизнь. Но стоило ему преобразиться, разукрасить лицо, облачиться в клоун-

ский наряд, нацепить клоунский нос, как он превращался в веселого, озорного человека, чьи невинные шутки вызывают у детей и взрослых смех и веселое настроение.

На манеже шло представление, артисты менялись, демонстрируя свои номера, животные, воспитанные на условных рефлексах, выбегали на манеж, показывая чудеса ловкости, шум, гам, музыка, игра света, все это чередовалось, сплеталось, образуя таинство шоу, приносящее в детские сердца радость, затрагивая их чувства.

Один лишь Алан сидел безучастно, глядя на манеж. Он видел, но не переживал с другими детьми, он слышал, но не осознавал происходящего представления. Его тело раскачивалось вперед-назад, словно одинокое судно на волнах, правая рука была согнута на уровне груди, а пальцы то сжимались, то разжимались, словно рука делала кому-то массаж.

Мальчик сидел между Бетти и Майком. Молодой человек не мог не обратить внимания на странное поведение мальчика. Алан смотрел под купол цирка, тогда как представление шло внизу, на манеже. Не увидев ничего привлекающего внимания, кроме нескольких канатов и карабина между ними, Майк опустил руку на голову мальчика, и, чуть надавив, опустил ее так, чтобы мальчик смотрел на манеж, после этого он быстро отнял руку. Но Алан вновь поднял голову и стал смотреть, изучая купол. Молодой человек еще несколько раз повторил свои действия, опуская голову мальчика, но мальчик всякий раз отводил взгляд от манежа, и переводил

свой взор кверху. Бетти не видела этого, она была увлечена представлением. К тому же свет то гас, то вновь появлялся, а Майк опускал голову мальчика только, когда наступала темнота, что бы Бетти не видела.

В антракте у Бетти зазвонил телефон. Это была Голди, она хотела узнать, как ведет себя Алан. Бетти пришлось оставить Майка и Алана, она спустилась вниз, чтобы поговорить с Голди.

Мальчик продолжал раскачиваться, сжимать пальцы правой руки. На этот раз его голова опустилась, и он смотрел вниз на пустой манеж. Люди спускались вереницей, поднимались по ступенькам. Цирк ожил, внутри него люди бежали, словно озабоченные муравьи в муравейнике. Один лишь манеж оставался пустым, не считая пару ребятишек, сбежавших от родителей и разгуливающих по красному полотну манежного парашюта.

– Купить три билета, – вдруг по слогам произнес Алан. – Только три билета.

– Что? – спросил его Майк. – Ты что-то сказал?

– Только три, три билета, – повторил мальчик, – купить... три... билета, – с препинанием сказал он.

Майк догадался, что речь идет о тех билетах, которые он купил в кассе.

– Да, да, три билета, – согласился он.

Алан продолжал наклонять и поднимать туловище, его взгляд блуждал, ни на чем не останавливаясь. Он повторял

фразу: «только три билета» десятки раз. Майка это начало раздражать. Он огляделся, вокруг них были пустые сидения, все спустились вниз, чтобы купить мороженое и сладкую вату.

– Заткнись, debil! – строго произнес Майк, поглядывая сверху на мальчика.

Но Алан не умолкал, он с перерывом произносил одну и ту же фразу. Наконец, Майк не выдержал и схватил Алана за руку, ту самую, что мальчик держал у груди, теребя пальцами. Он сжал запястье, давая понять, что ему пора замолчать. Алан затих. Тогда, торжествуя и улыбаясь, Майк отпустил руку Алана.

– Вот и чудно, скоро придет Бетти, – сказал молодой человек.

Неожиданно для Майка мальчик ударил рукой по своему лбу, еще и еще раз.

– Ты что делаешь? – с тревогой спросил Майк.

Но Алан молчал и лишь продолжал бить себя в лоб, который покрылся краской.

– Нет, нет, стой, прекрати! – воскликнул Майк.

Это не помогло. Тогда он, боясь, что мальчик причинит себе вред, и в этом обвинят его, как взрослого, на которого оставили малыша, испугался. Он обхватил Алана и сковал его руки так, чтоб тот не смог бить себя. Алан пытался высвободиться, но ему это не удалось. Тогда он начал дико кричать, да так, что люди, находящиеся внизу, в отдалении,

стали обращать на них внимание. Майк тут же освободил Алана и отскочил от него.

– Придурок! – произнес он злобно.

К этому времени появилась Бетти. Она выскользнула из-за спины Майка и подошла к Алану, склонившись над ним, успокаивая словами и глядя его.

– Он что, больной? – в ужасе спросил Майк. – Предупредить надо.

Бетти бросила на Майка такой презрительный взгляд, что молодой человек тут же замолчал.

– Хорошо, хорошо, я понял, – оправдывался Майк.

– Что у вас произошло во время моего отсутствия? – спросила Бетти.

– Да так, ничего. Он начал бить себя по лбу, я пытался остановить его, – оправдывался Майк. – А потом как заорет. Слава богу, ты подросла.

Майк сел рядом с Бетти, по другую сторону от Алана. Мальчик начал успокаиваться. Он по-прежнему сжимал и разжимал пальцы правой руки.

– Чего он так делает? – спросил Майк.

– Он взволнован, много людей, шум, – пояснила Бетти. – Давай уйдем. Ему так лучше будет, он должен успокоиться.

– Ладно, давай, – согласился Майк.

Началось представление – вторая часть. Они спустились и вышли из павильона цирка. Оказавшись на улице, Бетти вспомнила о клоуне по имени Дэвид.

– Майк, давай подождем конца представления.

– Зачем? – недоумевающая, спросил Майк, – мы ведь не смотрим.

– Я хочу Алану показать животных в вольерах. Это там, за цирком, – пояснила девушка.

Майк взглянул на часы.

– Еще минут тридцать, предлагаю сходить в кафе, перекусить, – сказал молодой человек.

– Отличная идея. Да, Алан?

Вместо ответа он качнул головой и сказал:

– Только три билета.

– Непременно три, нас ведь трое, – поддержала его Бетти.

Спустя время они втроем стояли у входа в импровизированный зоопарк. Дэвид провел их внутрь, за ограждение, и они стали бродить вдоль вольеров, рассматривая цирковых животных: птиц, парнокопытных, змей. В отдельном, огражденном вольере, находился черный волк. На табличке было написано: «Опасно, за ограду не входить!»

Дэвид вернулся к входу. Майк и Бетти шли рядом и, как все молодые люди, чьи судьбы недавно пересеклись, активно беседовали, рассказывая друг другу о себе. Алан шел впереди, один. Он проходил мимо вольеров, не обращая внимания на животных и скопившихся детей у вольеров.

Родители и дети проталкивались поближе к клеткам, один лишь Алан шел в другую сторону. Его что-то привлекло. Он улыбнулся, побежал, столкнулся с каким-то мальчиком, на

котором была одета такого же цвета футболка, они разбежались. Бетти и Майк, по-прежнему, одним глазом присматривая за синей футболкой Алана, шли за ним. Иногда на них налетали озорные мальчуганы, сталкиваясь и убегая прочь. Синяя футболка остановилась, потом подбежала к вольеру, где сидели три обезьянки. Дети бросали им кукурузные хлопья. Бетти и Майк остановились за спиной мальчика, продолжая рассказывать о себе. Бетти прервала разговор и дотронулась до плеча мальчика.

– Алан, ты хочешь кукурузных палочек?

Мальчик обернулся. Это был не Алан, но на нем была синяя футболка, как у Алана. Поняв ошибку, Бетти заволновалась и стала с ужасом оглядываться, ища глазами Алана.

– Не тревожься, – успокаивал ее Майк, который тоже начал искать мальчика. – Он где-то здесь, среди детей.

Но в группе детей его не было. Наконец Майк увидел синюю футболку в дальнем углу площадки, рядом с вольером, где находился волк. Бетти от ужаса вскрикнула, ведь мальчик находился не за оградой, а у самой клетки. Видимо, он проник туда, пока все разглядывали обезьян и попугаев.

Майк и Бетти подбежали к ограждению с табличкой, предупреждающей об опасности, и остановились в изумлении. Алан сидел у клетки, где находился хищник. Его руки были внутри клетки, их облизывал черный волк. Хищник не кусал, не рычал, а лишь жалобно завывал, тихо, словно от удовольствия. Волк – молодой самец, отбегал от Алана, про-

бегал круг, и вновь подбегал к мальчику, чтобы лизнуть его руки. Завывание переходило в щенячий визг.

Бетти и Майк были ошеломлены происходящем.

– Видимо, он понравился волку, – сказал голос за спиной Бетти.

Она обернулась и увидела Дэвида.

– Это не опасно, у вас тут висит табличка? – тревожно спросила Бетти.

– Они друзья, а друг не обидит, – ответил Дэвид. – Если бы он хотел укусить, то уже давно сделал бы это.

– И все-таки я прошу вас помочь.

Дэвид перешел через ограду и за руку вывел мальчика.

Волк тревожно бегал по кругу, останавливаясь перед зрителями на несколько секунд.

– Он молодой, к нам попал недавно. Из дикой природы, – сказал Дэвид. – Здесь, в Канаде, обычно серые волки встречаются. Но этот особый. Ваш мальчик ведь тоже особый. Вот они и встретились. Теперь он в клетке. Ведь Алан в какой-то степени тоже взаперти, в своем замкнутом мире.

Бетти посмотрела на Дэвида с пониманием, она вспомнила его слова: «Он тоже когда-то прошел через это». Но теперь он нормальный, как и все, работает в цирке, нужен людям. Но ведь и Алан нужен, он ведь не потерян для общества. Он живет среди людей, хоть и находится в другом, его собственном мире. Как верно сказал Дэвид, прошедший через это – «находится взаперти». Но как знать, может, это весь

мир людей заперт в своей суе, нормальности, обыденности, в законах, мешающих проявить себя, увидеть мир с другой стороны.

Глава 5

Дружба с волком продолжалась. Бетти во всех подробностях рассказала Фостер Голди, занимающей должность психолога при пансионате, о поведении Алана Уокера в цирке, и о его удивительной дружбе с диким волком. Голди была крайне удивлена этой дружбе и предложила сходить в цирк, точнее в цирковой зоопарк, чтобы воочию понаблюдать за поведением мальчика.

Они стояли у клетки втроем: Алан и две женщины.

Дэвид Батлер, работающий клоуном в цирке, присоединился к ним. Голди, глядя на волка, не пустила мальчика к вольеру. Он стоял за ограждением и, улыбаясь, приветливо поглядывал на волка, метавшегося взад-вперед вдоль клетки, словно приветствуя Алана.

– Табличка мне говорит, что хищник опасный, – сказала Голди, обращаясь к Дэвиду.

– Не более чем люди, – философски отреагировал Дэвид, пожимая плечами, и улыбаясь, словно ребенок.

– Бетти мне рассказала, что волк не только не тронул мальчика, но и облизывал ему руки, – сказала Голди, желая убедиться в правдивости слов.

– Это верно, – ответил Дэвид.

Голди смотрела на Дэвида изумленным взглядом. Его лицо, несмотря на возраст и давно ушедшее отклонение в пси-

хике, все еще носило некоторые черты аутиста. Конечно, жизнь изменила его лицо, добавив седину, морщины и мужественность, но его взгляд, взгляд некогда замкнутого и отрешенного от общества человека не покинул его, а лишь приобрел облик искреннего и внимательного человека.

– У мальчика доброе сердце и животное это чувствует, – сказал Дэвид. – Смотрите, как они тянутся друг к другу.

– А вы правы, – сказала Бетти, – волк узнал его. Алан, Алан, это твой друг, он радуется тебе! – сказала она мальчику.

– Их отношения, – продолжал Дэвид, – это отношения на доверии. Я сразу это понял, когда увидел поведение волка.

Голди, несмотря на опыт в воспитании и работе с детьми с отклонениями, была удивлена этой дружбе. Вероятно, подобное она видела впервые. Ей, как ученому и врачу, было интересно понаблюдать за дальнейшими изменениями в развитии Алана. К чему приведет эта дружба мальчика-аутиста и дикого животного, хищника? Но, несмотря на уверительные рассказы, Голди не решалась подпустить Алана к зверю.

– Откуда он у вас? – спросила она.

– Это целая история, с приключением и трагедией.

– Расскажите, пожалуйста, – любезно попросила Голди, и Дэвид продолжил.

– Для нашего зоопарка нужен был хищник. Посетители цирка знали всех наших животных. Директор цирка решил сделать дополнительное шоу, которое бы продолжило вы-

ступление на манеже и одновременно сделало бы возможным встречу и изучение посетителей с нашими животными. В общем, было решено сделать павильон с дикими животными, что-то вроде зоопарка при цирке. Но все наши питомцы были рождены в неволе, они не были дикими. Вот тогда мы решили приобрести несколько хищников. Недалеко от Авр-Сен-Пьер, где мы сейчас находимся, есть заповедник, расположенный севернее и тянувшийся с запада на восток, вдоль всего залива Святого Лаврентия. Здесь ареал серого волка. Это такое, небольших размеров, хищное создание, выполняющее роль санитаря леса. В поисках волков мы отправились вместе с лесничими. Волки, обычно, живут стаями. И это затрудняло выполнение задачи – добыть пару щенков волка. Мы встретили несколько стай, но не рискнули приблизиться к ним. Родители, увидев людей, вели себя беспокойно, и даже агрессивно. Их можно понять – кто добровольно отдаст своих детей. Поэтому мы продолжали бродить по диким местам в поисках одинокой семьи волка. И удача показала нам свой хищный оскал. Мы стали свидетелями трагедии, которая, увы, неизбежна в природе. Семья волков состояла из двух взрослых особей. Обнаружили мы их случайно, по дикому рыку животных. Среди хвойных деревьев у небольшого водоема разгорелась битва между двумя заклятыми врагами – двух волков и медведем. Волки пытались прогнать незваного гостя с их территории, с их ареала – среды обитания. Борьба была отчаянная, медведь, искусанный сильным

самцом семейства и к тому времени раненный самкой волка, чувствовал себя не в своей тарелке. Казалось, что упорство медведя осилит свирепость двух отчаянных волков. Волки этой породы были небольшого размера, как я уже говорил. В силе они проигрывали. Если бы они были в большой стае, то медведю бы пришлось несладко, но их было лишь двое. Тогда мы не знали, по какой причине они так настойчиво, порой рискуя попасться под сильный удар медвежьих лап, набрасываются на неуклюжего врага. Им бы убежать, уступить, но они отчаянно бились, словно от этого зависела чья-то жизнь, стоящая больше их собственных. Самка проигрывала из-за рваной раны на брюхе – встреча с медведем не проходит безнаказанно. Она уже не могла атаковать и сопротивляться лохматому хищнику. Она ползла, тянув обездвиженные ноги, сопровождая уход с поля боя, тихим, но свирепым рычанием, иногда бросая косые взгляды, полные тревоги, в сторону боя. Самец же жалил непрошенного великана со всех сторон, пользуясь его неповоротливостью. Но, увы, волк был побежден. В одной из атак он сделал ошибку, и медведь задел его тяжелым ударом лапы. Раненный молодой волк не смог долго сопротивляться и вскоре погиб. Медведь, утолив свою гордыню и честь непобедимого воина, с триумфом, покачивая мясистыми боками и толстыми бедрами, исчез в лесу, среди хвойных деревьев. Медведь еще раз доказал свое превосходство, а волки понесли невосполнимую потерю. Мы хотели помочь самке, но она не подпус-

кала нас. Мы уже хотели оставить ее, как вдруг потеряли ее из виду. Любопытство взяло верх и мы стали искать. Среди сухих и зеленых веток мы обнаружили логово – довольно-таки уютное гнездышко волков. Подкравшись ближе, так, чтобы раненная самка нас не заметила, мы обнаружили причину столь яростной битвы, закончившейся трагическим концом. В волчьем логове самка была не одна. Рядом с ней находилось пятеро щенков: четыре серых, и один черный. Все они жалобно визжали, прося у матери молока. Молока у матери не было. И это была трагедия, куда более опасная, чем потеря главы семейства. Мать могла бы о себе беспокоиться в поисках пищи, но прокормить щенков, при всем ее желании, она была не в силах. Отсутствие молока могло убить их.

– И они погибли? – спросила Бетти с зарождающейся слезой на глазах.

Она была чувствительной женщиной, и эта история тронула ее девичье сердце.

– В природе плохое часто сопутствует хорошему, – продолжил Дэвид. – Тяжело раненная мать не подпускала нас к щенкам. Несмотря на сильное кровотечение в брюхе – подарок от встречи с медведем, она еще была способна постоять за своих деток. Неспособная кормить, раненная самка была обречена, а вместе с ней и ее дети. Но как бывает в дикой природе – все решил случай. Мы устроились недалеко от волчьего логова, наблюдая за семейством. Самка не покидала своих детей, она зализывала тяжелую рану, а щенки

жалобно визжали. Их тоненькие голоса заметно утихли на следующий день. А спустя два дня их вовсе не было слышно. Мы больше не наведывались в логово, и собирались покинуть это место. Было очевидно, что удача оставила их. Нас поджимало время, и вот, рано утром, когда птицы исполняли свои голосистые, радостные воспевания теплым лучам солнца, греющим предутренний прохладный лес, и, пробивающимся, сквозь заросли хвойных деревьев, дарящих свет всему живому, я, подкравшись, быть может, в последний раз, к логову, услышал тонкий, едва хриплый голосок одного из щенков. Там все еще теплилась жизнь. Самка надежно оберегала своих детенышей, но это привело к тому, что четверо из них погибли от голода. Сперва появилась крошечная черная мордочка, потом робкие черные лапки, едва ступавшие, неуверенным шагом. Щенок черной масти, худой, дрожащий, неуверенный, но все же уходящий из лап смерти. Его, еще мутные глазки, уже были открыты миру, он прозрел; натываясь мокрым крошечным носиком на ветки, нетвердым шагом он шел вперед, исследуя мир. Оставшись в логове, среди трупов братьев и сестер, он был бы обречен. Мать, по видимому, была к тому времени не способна помешать ему покинуть логово, и не способна была защитить его. Уставшими, больными глазами, исхудавшая, она смотрела на меня, державшего в руках ее сына. Я с любопытством, тревогой и переполняющей меня жалостью, смотрел в ее глаза – глаза смерти. Жизнь выходила из нее. Рядом с ней лежали четыре

крошечных труп. Самка глядела мне в глаза и едва издавала стон. Думала ли она об опасности ее детеныша, чудом оставшегося живым, я не знаю. Но уверен, что ее тихое завывание, которое я услышал напоследок, уходя прочь и унося еле живого исхудалого щенка, было материнским криком надежды, веры в то, что последний член ее волчьей семьи не погибнет, ведь смерть, поселившаяся в логове, не собиралась оттуда уходить. Так появился Счастливчик.

– Это его кличка? – спросила Бетти, вытирая влажные глаза платком.

– Я решил его так назвать. Только я, да и сторож называем его так. Другие боятся общаться с ним наедине, – ответил Дэвид.

– О, нет, нет, Алан, вернись! – крикнула тревожно Голди, заметившая, как мальчик проник за ограду клетки.

Пока Дэвид рассказывал об истории появления черного волка, Алан добрался к вольеру. Голди уже намеревалась переступить через проволоку, ограждающую вольер с хищником, как вдруг остановилась в нерешимости и крайнем восторге, граничащем с удивлением.

– Этого не может быть! Алан! – восхищалась она. – Алан, он тебя любит...

Молодой волк, которому когда-то посчастливилось выжить, если бы не люди, стоял у решетки, и, визжа и тихо рыча от радости, облизывал лицо мальчика. Руки Алана держали прутья решетки, а его голова вплотную прижималась к пру-

тъям. Розовый волчий язык, подобно губке, смачивал юное
лицо мальчика.

Глава 6

Было десять часов вечера, когда Голди и Бетти заглянули в комнату к Алану. Здесь было тихо, мальчик спал, свернувшись калачиком в своей кровати. Одеяло лежало на полу. Бетти тихонько подняла одеяло и уже собиралась им накрыть мальчика, как вдруг заметила рядом с ним игрушки: мячики, машинки, паровозик и различные детали от конструктора и сломанных игрушек. Все они лежали на кровати, рядом с мальчиком. Все было бы нормально, если бы не форма, в которую Алан сложил свои игрушки. Он построил их в изогнутую линию, друг за другом. Удивляла последовательность звеньев этой линии. Игрушки были построены, начиная от самой большой (по размерам) до самой маленькой. Начиналась линия с большого мячика, далее шел паровозик, затем машинки, потом игрушки поменьше и так далее, пока хвост замысловатой линии не закончился крошечным колесиком.

– Он начал развиваться и познавать мир, – шепотом сказала Голди.

Бетти с любовью и нежностью в глазах, трепетно укрыла его одеялом.

– Пусть все будет, как есть. Убирать не будем, – тихо сказала Голди. – Завтра утром проведем урок рисования красками.

Солнечные лучи смело вливались в игральную комнату,

окрашивая все в яркие цветные тона. Алан сидел на белой клеенке, расстеленной на полу, поверх ковра. Рядом находились Голди и Бетти, показывающие мальчику, как пользоваться красками. Лист белой бумаги лежал на низком деревянном столике, рядом с красками, содержащимися в баночках. Бетти наводила круги синего цвета, держа руку мальчика. Но вскоре Алан отстранился и самостоятельно взял в руки кисть. Учителя не мешали ему проявлять самостоятельность в творческих решениях. Алан подержал немного кисточку в руках и, поняв, что она ему без надобности, отказался от нее, отложив кисть в сторону. Бетти хотела сказать, что ему нужна кисть, чтобы рисовать, но Голди остановила ее жестом.

– Пусть он сам решит, – сказала Голди, – это его собственный выбор. Пусть изберет путь в познании.

Мальчик потянулся к баночке с зеленой краской.

– Чудесно, Алан! – сказала с радостью и добротой Бетти. – Зеленый – твой любимый цвет.

Пока Бетти удивлялась выбору мальчика, а Голди размышляла о способе и методе обучения, Алан вылил на стол, мимо белого листа, всю баночку краски. Бетти от удивления открыла рот, а Голди взяла ее за плечо, чтобы та не предпринимала необдуманных и преждевременных решений.

– Пусть, мы понаблюдаем. Всякое его решение надо одобрять, – тихо сказала Голди.

– Здорово, Алан! – добродушно сказала Бетти, смотря на

Голди понимающим взглядом.

Алан, тем временем, всунул в разлитую густую зеленую массу руки, и начал размазывать краской по столу. Белый лист немного окрасился текучей жидкостью зеленого цвета и упал на пол. Алан продолжал рисовать. Он измазал руками весь стол, включая ножки. Потом обратил свой творческий взор на другие баночки краски. Сперва, к зеленой он добавил красную, потом желтую, синюю жижи, и всю эту массу разноцветия перемешал. Стол окрашивался то в один цвет, то в другой. Творчество мальчика не знало границ – смешанные тона красок перешли на его одежду (джинсы и футболку), лицо, волосы. Не тронул он только глаза, они были округлые, большие, через них он анализировал, посылая импульсы в работающий мозг. Вскоре краска залила клеенку, предусмотрительно расстеленную на полу, и уже добиралась к дальним границам ковра, где он был не защищен. Мальчик вышел в центр комнаты, осмотрелся на все свое полотно, включая одежду и стол, затем лег на спину и стал кататься, ерзая спиной по разлитой и вымазанной краске.

Слегка ошалевшая Бетти и почти убежденная в найденном методе Голди, открыв широко глаза от переполняющего восторга, ведь часть творческих сил и рвения создавать, азарт, передались и им, радостно приветствовали юного художника и все его начинания.

– Не столь важен труд, очищающий и наводящий порядок, сколь хаос, который предшествовал ему, ведь именно он яв-

лялся тем ключом к сознанию мальчика, открывающим его безграничные, но запертые в темном мире неуверенности, творческие порывы, – сказала Голди. – Это начало и великий прорыв. Мальчик проявляет, хотя и в такой странной манере, свои желания, украшенные дивной и необычной, чарующей фантазией.

В последующие дни, к столь странному рисованию присоединилась и Бетти. Она делала то же, что и мальчик, всюду поддерживая его фантазию и желание рисовать, проявлять себя. Они вдвоем, не держа кисти, лишь руками рисовали узоры. По большей части, причудливые линии выводил мальчик, Бетти лишь повторяла, радостно одобряя его действия.

Голди в основном наблюдала за изменениями в поведении и действиях подопечного. Вскоре, к удивлению Голди и Бетти, мальчик стал рисовать на поверхности краски. Он выливал содержимое всех баночек в один сосуд – невысокую, но широкую миску, и там рисовал свои полотна, вода по красочной поверхности ладонями. Удивительные линии переплетались, создавая радужные, фантастические узоры. Мальчик не просто рисовал, а всецело участвовал в процессе, погрузившись в него богатой фантазией.

– Ему не нужна кисточка, – заметила Бетти. – Истинный художник творит естественными средствами – руками.

– Его идеи зарождаются в мозге и передаются импульсами рукам, которые весьма проворно отражают его фантазию, –

заметила Голди.

Алан был весь погружен в свой мир, его лицо было схоже с чистым лицом принца, не обременённым скупостью жизни. Он был самой фантазией, с чистотой свободного эльфа. Его глаза выражали мечтательность путешественника, строившего планы будущих странствий. И хоть на улице, прохожие, глядя на странное безучастие и отрешенность мальчика, могли сказать, что он со странностями, не нормальный, больной, но внутри Алан жил в свободном, фантастическом мире, который был им открыт благодаря стараниям двух женщин, пытающихся помочь вернуть его в общество, в клуб здоровых, но озабоченных проблемами людей. Возможно, он уже был счастлив, живя в своем, придуманном мире.

Глава 7

Теперь мальчик почувствовал запах какого-то приятного чувства, которого он пока не мог понять. Ему нравилось, когда он рисовал, его, в глубине сознания, тянуло к вольеру с черным волком. Он часто выражал свои эмоции словами: «волк» и «рисовать». Эти два слова окружали его детский, можно сказать, счастливый мир, в котором слово «счастье» еще было не осознано, но уже ощутимо. Он забыл о боли внутри себя, забыл о самоистязании, о душераздирающих и мучающих криках, которых он не мог раньше сдерживать. Два увлечения, две радости, стали для него основным смыслом жизни, как будто они существовали только для него. К удивлению Голди, мальчику нравились эти две привязанности – рисование в свободной форме, где мальчик мог проявлять свои фантазии и творчество сполна, и дружба с волком, хищным зверем, где сердце Алана пробуждалось, словно оттаявшее от вечного льда. Они не надоедали ему, он с каждой встречей переживал так же, как и в первый раз. Иногда ей казалось, что Алан боится их потерять. Но, если рисование для Алана могло продолжаться сколько угодно, то дружба и встречи с волком, явно полюбившего мальчика, могла оборваться в тот момент, когда цирк покинет город Авр-Сен-Пьер. И вряд ли кто-либо восполнит эту потерю, такого второго друга ему не найти в этом мире. Да и какие в нем будут

гореть чувства при знакомстве с другим животным? Это были поиски в темноте, но Голди, ради Алана, пошла и на этот эксперимент, она уже начала подыскивать собаку, схожую с окрасом волка. Она даже хотела дать ему кличку «Счастличик», чтобы мальчик не заметил подмены. Какова человеческая хитрость, она не знает границы, и она не имеет ни малейшего представления о дружбе, искренней, той, которая была рождена между Аланом и черным волком по имени Счастличик. Однажды вспыхнув, эта любовь к дикому зверю не погасла, а лишь укрепилась. И что удивительно, она была с обеих сторон.

Все имеет свой конец, во всяком случае, так полагала, опытная и умудренная Голди. Цирк уехал рано утром в понедельник. И Голди переживала, она волновалась, как пройдет встреча Алана с купленным ею молодым, черной масти псом. Внешне собака оказалась дружелюбной, ласкалась к Голди; когда она угощала ее колбасой, махала хвостом в знак признательности и почтения. Она вспомнила о Счастличике, он не махал беспрестанно хвостом, выражая доброту и дружбу к мальчику, и не было у Алана в руках колбасы. Как теперь Алан поведет себя? Как молодой пес, не выдавший ранее мальчика, будет проявлять себе? Вопросы, вопросы, требующие ответов, но она знала, что проверить можно только в эксперименте.

Вечером, когда обычно мальчик встречался с волком в вольере, было все приготовлено. Бетти, была проинструктиро-

вана, а Голди договорилась со столяром – смастерить клетку, схожую с той, где содержали волка. Собака, конечно, могла все испортить и выдать подмену, она ведь могла, в отличие от волка, не только рычать, визжать, но и лаять, чего волки никогда по их разумного решению не делают. Зачем же лаять, если ты живешь на свободе. Внешне собака была схожа и размером, и окрасом и шерстью с волком, но было и одно отличие – кончик хвоста у собаки был белым. И чтобы исправить это недоразумение Голди распорядилась для первой встречи, окрасить его в черный. С чем великолепно справилась Бетти, расплачиваясь одной рукой колбасой, а другой, пытаясь разрисовать белое пятно недоразумения.

Алан долго стоял у клетки, так и не рискнув подойти ближе, хоть женщины его и подталкивали и манили к замаскированному другу. Собака махала дружелюбно хвостом, уже черным, высунув язык. Она не смотрела на мальчика, а бросала вожделенные взгляды на Голди и Бетти, проглатывая слюну. Она ждала колбасу, а ее не было. Наконец, Бетти удалось подойти к вольеру ближе и подвести Алана к клетке. Теперь женщины не испытывали страх за жизнь мальчика, ведь в клетке была домашняя собака, выросшая среди людей, но они беспокойно ожидали появления внутри мальчика желания дружить. Неужели Алан что-то заподозрил или увидел подвох? Пока Голди, гадала и размышляла над тем, как быть дальше, Бетти удалось уговорить, а частично и втянуть руки Алана в клетку, пес тут же подбежал к мальчику.

Руки Алана произвольно сплелись с черной шерстью собаки и... то ли из-за того, что мальчик крепко сжал пальцы на шерсти пса, то ли из-за недостатка колбасы в его руках, то ли из-за клетки, в которой пес чувствовал себя не в своей тарелке, но животное решило укусить Алана. А затем, как это делают провинившиеся собаки – ретироваться подальше (чтобы его не наказали). Крови не было на пальцах, но пара отметин от собачьих зубов виднелись на коже, не глубоких, по-видимому, собака не хотела сильно кусать.

Пес по-прежнему вилял хвостом, Алан не плакал, он лишь инстинктивно отдернул руку, прижав ее к груди. Друг не кусает. И это, по-видимому, понял Алан. Это не был его любящий друг, он почувствовал это.

– Да, – произнесла с досадой Голди, глядя на Бетти, подскочившей к мальчику. – Дружбу нельзя обмануть, ее нельзя подделать. Мы, Бетти, оплошали, – с грустью заключила она. – Нас раскрыли. Ее нельзя купить ни за какие деньги, она появляется внутри, и, зародившись, не угасает.

– Что делать теперь? – спросила Бетти, поглаживая руку Алана в месте укуса.

– Он будет грустить, и это также очевидно, как желание собаки получить колбасу.

Глава 8

Мужчина, лет сорока, с выдающим вперед животом, среднего роста, с суровыми чертами лица, громко говорил по телефону. Он ходил взад-вперед по коридору, и давал кому-то распоряжения, отчитывал и указывал, как надо себя вести в суде. Это был человек, привыкший управлять и командовать. Но увидев Голди Фостер, мужчина быстро закончил разговор, спрятал телефон в карман пиджака и, натянуто улыбаясь, засеменял к ней.

– Вы Блэйк Уокер, отец Алана? – начала Голди.

– Да, так и есть, – ответил Уокер. Его излишняя улыбка исчезла и слегка приподнялись брови, как это бывает, когда человек вспоминает чью-то фамилию, давно затерявшуюся в памяти. – А вы психолог...

– Голди, вы можете звать меня по имени.

– Как вам удобно. Мне сказал ваш заведующий Пирс Перес, что я могу встретиться с сыном, но, сперва, я должен поговорить с вами. Что вы мне можете сказать о моем мальчике, – строго, требовательно сказал Блэйк Уокер.

Она уже собиралась что-то сказать отцу мальчика, как он перебил ее.

– Я уже два месяца не видел сына, – он сказал голосом не сожаления, а требования, будто кто-то запрещал ему это сделать. – Где мой мальчик?! – вызывающе громко произнес

он.

– С ним все в порядке, – невозмутимо ответила Голди. – Пирс Перес посоветовал вам поговорить со мной. Это очень важно, потому что именно я занимаюсь мальчиком. И сейчас...

– Послушайте, – резко остановил он ее, – давайте не тратить зря время. – Он вынул кошелек. – Сколько вы хотите? Я понимаю, всякая работа требует оплаты. А этот случай особый, и я готов...

– Вы не поняли, – все также спокойно ответила Голди, – мне не нужны ваши деньги. Я получаю зарплату и...

– Но зарплата может вас не удовлетворять, – прервал ее Блэйк. – Это прибавка, считайте, что это премиальные. Мой малыш не должен чувствовать себя обиженным или обделенным, вы понимаете, – он изучающе и деловито посмотрел ей в глаза, но увидел в них протест. – Вы чем-то недовольны? Ладно, говорите, – смягчился он.

Голди поняла, что он готов ее выслушать.

– Я знаю, что Алана вы решили оставить у нас до совершеннолетия.

– Да, если ничего не изменится, – пояснил Блэйк.

– Вы имеете в виду его диагноз?

– Разумеется, ведь он шизофреник, как мне сказали.

– Кто вам это сказал? – строго спросила Голди.

– Не волнуйтесь, это было давно. Когда мы были вместе, еще в Штатах.

– Но теперь вы отдали его в пансионат и хотели, чтобы за ним присматривали, так ведь? – она заглянула в его глаза, где за знаками банкнот прятались два серых глаза.

– Да, – тяжело ответил он. – Сейчас я не могу его забрать. Понимаете, у меня другая семья.

– Еще бы, понимаю, – в ее глазах не было сочувствия к отцу, бросившего ребенка. – Он попал к нам в тяжелом состоянии. Каждый день мы с медсестрой Бетти пытались вывести Алана из этого тяжелого психологического состояния, в которое он впадал непроизвольно.

Уокер Блэйк закусил губу и опустил глаза.

– А что теперь? – тихо спросил он.

– Теперь ему лучше. Радоваться еще рано, но каждый день у мальчика происходят изменения к лучшему. Так что ваши прогнозы относительно диагноза шизофрении могут быть иллюзорными, – язвительно заметила Голди, хотя прекрасно понимала, что в этом случае важна любая мелочь, случай, и мальчик вновь уйдет в себя, закроется навеки.

– Хотелось бы надеяться. За деньги вы не волнуйтесь, я все оплачу, и сделаю благотворительный взнос.

– Не все можно предвидеть или купить, – ответила она. – Наша цель: адаптация Алана, мы должны его вернуть, подготовить для жизни в обществе. Он должен быть способным к жизни среди людей. А в его случае это очень нелегко. Он должен контактировать со средой, его нельзя запираить от людей, иначе он замкнется.

– И многих вы...

– Вывели в люди? Это зависит от тяжести состояния.

– Я узнал от докторов, что шансы малы. Как правило, после их совершеннолетия им пишут новый диагноз – шизофрения, и это навсегда.

Голди бросила на Блэйка такой взгляд презрения, что ему стало неловко за свои слова. Ведь это был его сын. Он почувствовал щемящую боль в сердце, некогда забытую, заезженную, затупившуюся.

– Он не больной, он особый мальчик, со своими фантазиями, желаниями. Да, он уже начал выявлять свои мысли, и его детские поступки постепенно стали проявляться. Это может показаться незаметно, но они есть, и это наша первая победа, первый шаг.

– У меня мало времени, – перебил он ее, поглядывая на часы, – я хотел бы встретиться с Аланом, увидеть моего мальчика.

– Хорошо, еще один вопрос, прежде чем вы увидите с Аланом. Аутизм просто так не возникает. Понимаете, чтобы лучше строить процесс исследования, я хотела бы знать, кто в вашей семье...

– Можете не продолжать. Это наследственное. Я уже занимался этим вопросом, беседовал со многими докторами о причине. Его мать... – он запнулся, словно память, выплывшие наружу эпизоды жизни затронули в нем тяжелые воспоминания. – Его мать часто была погружена в себя. Иногда

мне кажется, что я до сих пор не вышел из той жизни. Она была моей первой женой и первой жизнью. Но теперь все по-другому, все живы и все здоровы, и нет печали, – он как будто вышел из тени мрачных воспоминаний, протрезвел и просветлел. Но что-то таилось в его блуждающем взгляде, недосказанное, личное.

– Алану, – сказала Голди, – нужна забота, нужна поддержка, доброта...

– Разве я недостаточно вам плачу, чтобы он не чувствовал себя одиноким и брошенным? – снова, надев маску холодных, практичных отношений, преобразился Блэйк Уокер. – Что я еще могу сделать?

Последний вопрос, казалось, он задал самому себе, с какой-то нескрываемой спешкой. Может он действительно торопился на свою работу или к своей новой семье.

– Что ж, если вы готовы, пойдете, я провожу вас к сыну.

В последнее слово: «к сыну» Голди давала смысл более глубокий, учитывающий не только теплые отцовские отношения, дружбу сына и отца, но и ответственность взрослого, породившего живое и несущего этот ответ перед ним.

Глава 9

Голди и Блэйк вышли на детскую площадку, где играли дети. Здесь они увидели Бетти, она вместе с воспитателем помогала детям выполнять физические упражнения. Голди подозвала Бетти и представила ей отца Алана.

– Мальчика сейчас выведут на прогулку, – сказала Голди, обращаясь к Блэйку. – Бетти помогает Алану. Если будет нужна моя помощь, то Бетти позовет меня.

– Хорошо, – сказал Блэйк.

Бетти вошла в здание.

– Вы подождите его здесь. Если я понадобится, вы можете найти меня в моем кабинете, – сказала Голди. Она ушла.

Спустя пять минут Бетти и Алан появились на площадке. Бетти была проинструктирована Голди. Она оставила мальчика отцу, а сама села на скамейку, не сводя глаз с Алана и его отца. Мальчик находился рядом с отцом недолго. По-видимому, Блэйк что-то говорил сыну, но тот никак не реагировал. Они бродили по территории пансионата, по игровой площадке, словно чужие друг другу. Алан отбежал от отца и присоединился к группе детей, зазываемый воспитателем, проводившим спортивные упражнения с группой детьми. Отец молчаливо наблюдал, иногда угрюмо, иногда ему хотелось подбежать к сыну и показать, как надо выполнять упражнение.

Алан почти не делал упражнения, не стоял он и в строю. Воспитатель несколько раз подозвал Алана, привлекая его к активности, но он даже не пытался что-либо сделать, взгляд его был пустым, отсутствовало внимание. Вся группа выполняла упражнения синхронно, пробегая мимо Алана, лишь он, подобно одинокому утесу, был невозмутим и одинок в толпе.

Бетти заметила, что Блэйк подошел к воспитателю, и они стали о чем-то говорить. Воспитатель показывала на мальчика. По-видимому, он говорил, что тот не желает бегать, нарушает дисциплину, а потому, не способен к обучению. В этот момент мальчик убежал с площадки, покинув всех, и спрятался за игровую горку, откуда его не было видно Бетти. Она заволновалась. Он опять ушел в себя. Она уже собиралась идти за Аланом, но увидев, что ее опередил отец мальчика, остановилась. Вероятно, воспитатель объяснил отцу и тот все понял, – думала Бетти.

Блэйк подошел к горке и подозвал к себе Алана. Он раз десять звал его, но тот не выходил. Тогда Блэйк снял ремень с брюк и, нагнувшись, чтобы достать до непослушного сына, ударил его. Куда пришелся удар, и был ли он, Бетти не видела (заслоняла горка), но она увидела размахнувшегося отца и сразу все поняла. Вскочив со скамейки, она стрелой бросилась к мальчику, чтобы его защитить. Подбежав к горке, она заметила отца, дергающего за руку сына. Он строго говорил с мальчиком.

– Теперь ты будешь выполнять упражнения?

– Да, – неуверенно пробубнил Алан.

Бетти весьма сдержанно обратилась к отцу мальчика, понимая, кто перед ней.

– Вы его ударили?

– Только для воспитательных целей, – оправдывался Блэйк.

– Но зачем?

– Он не слушал учителя. Но теперь...

– Вы сделали непростительную ошибку, – сказала Бетти, сильно волнуясь. Она не знала, как объяснить ему, что битьем здесь не поможешь, да и вообще, это никуда не годится. – Только словом, только словом, – повторила девушка.

Мальчик, несмотря на наказание отца, не плакал, а стоял в растерянности. Бетти взглянула на мальчика, ласково провела по его голове и стала сзади него, прикоснувшись к его плечам.

– Алан необычен, он не такой как все, – пояснила она. – Он аутист, а это особые люди. Они живут в своем мире. Их очень трудно отвлечь. Наш воспитатель не занимается Аланом, им занимаюсь я.

Несмотря на волнение и сбивчивость некоторых слов девушки, Блэйк, как ни странно, все понял. Он смягчился, протянул мальчику руку – в знак дружбы.

– Извини меня, я не буду так больше.

Мальчик протянул руку, но на его лице не было никакой

реакции, он смотрел ничего не значащим взглядом по сторонам, слегка раскрыв рот. Его внимание привлекли дети, шумно играющие на площадке. Он слышал лишь их озорные крики.

– Извини, Алан, – смягченно повторил отец. – Ты меня прощаешь?

Мальчик чуть заметно качнул головой.

– Вот и отлично, – он еще раз протянул мальчику руку, по-видимому, чтобы почувствовать его прощение. – Ты хочешь мороженого? Мы пойдем с тобой в кафе, за мороженым. Окей?

– Мо-ро-женое, – по слогам повторил мальчик. Несмотря на его отсутствующий взгляд, Бетти определила по интонации в голосе мальчика, что он одобряет поход в кафе за мороженым.

– Договорились, – слегка повеселев, произнес Блэйк. – Вы не станете возражать, чтобы мы с Аланом пошли в кафе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.